

Весть долетела до Гейла и его товарищей в тот же день. Когда курсанты вновь собрались на борту транспортника, готового унести их обратно в Высшую школу Освильд, от бывшего оживления не осталось и следа. Даже парням из лагеря А «отрицательной» группы, которых Гейл недавно так показательно разгромил, стало не до былых обид — горечь поражения мгновенно выветрилась у них из голов.

Война всегда казалась им чем-то бесконечно далеким.

Хотя в последние годы Галактика Млечный Путь делала упор на развитие вооруженных сил, а оборонный бюджет раздувался с каждым годом, заставляя даже простых гражданских предчувствовать неладное, до открытого конфликта дело всё же не доходило.

Переворот Синси изменил всё: маршал Синси из галактики Цанлань попросту растоптал местное правительство, единолично захватив власть.

Если в Млечном Пути сохранялось хотя бы видимое внутреннее согласие, то в галактике Цанлань царил форменный хаос. Причем творившееся беззаконие многие там молчаливо одобряли. Иначе как объяснить, что местный Легион Серебряных Крыльев — сила куда более грозная, чем Легион Серебряной Звезды нашей галактики, — оказался неспособен удержать порядок?

Однако за десять лет смуты Цанлань так и не скатилась в полноценную катастрофу. Но теперь у Валька Синси наконец сдали нервы.

Впрочем, ждать он больше и не мог. Век человеческий в нынешнюю эпоху заметно удлинился, и порог в две сотни лет перестал быть редкостью, но маршалу перевалило за сто шестьдесят семь. Он неумолимо приближался к закату своей жизни.

А потому времени и терпения у него оставалось в обрез.

О сокрушительной силе Легиона Серебряных Крыльев знали все: он уступал разве что прославленному Серебряному Орлу из галактики Инцюн, оставляя позади наш Легион Серебряной Звезды. Тем не менее, когда свергнутое правительство Цанлани бежало в Млечный Путь, маршал Кордон без колебаний предоставил ему убежище. Истинные мотивы Кордона оставались загадкой для большинства, но ровно до тех пор, пока галактика Юньхуэй не выступила с официальным заявлением, резко осуждающим действия маршала Синси. В этот момент картина прояснилась.

Маршал Кордон наверняка вступил в сговор с командующим Легионом Звездного Сияния, маршалом Дин Бо. Если взглянуть на карту четырех обитаемых галактик, Инцюн находилась в самом центре. Однако благодаря сложнейшей топографии ее рубежи со всеми соседями были практически неприступны. А вот Млечный Путь и Юньхуэй постоянно страдали от приграничных споров с Цанланью. Особенно несладко приходилось Юньхуэй: уступая агрессивному соседу в военной мощи, она годами сносила его издевательства. В то же время Млечный Путь и Юньхуэй разделяло невероятно опасное Море звездных рифов — зловещий

сектор космоса, усеянный черными дырами, блуждающими астероидами и гравитационными ловушками. Жизнь теплилась лишь на нескольких заброшенных планетах на самой периферии, так что эта зона фактически оставалась ничейной. Соответственно, делить Млечному Пути и Юньхуэй было нечего.

Гейл искренне не понимал одного: неужели маршал Синси настолько лишился ума? Сложно представить, что старый вояка не просчитал столь очевидный шаг. Ведь стоило ему начать эту авантюру, как Млечный Путь и Юньхуэй просто обязаны были объединиться против общей угрозы!

Жаль только, в переполненной кают-компании он не мог открыть кольцо и покопаться в учебниках по истории из личной библиотеки Валентина, чтобы прояснить этот вопрос.

В кают-компании царила нервная атмосфера. Курсанты жались друг к другу небольшими группками, приглушенно переговариваясь, и в каждом взгляде сквозила нескрываемая тревога.

Хотя волна милитаризации последних лет и подтолкнула их к выбору военных специальностей в Освильде, выросли эти ребята в сытом покое. Внезапное осознание того, что завтра придется убивать и умирать, закономерно повергло их в смятение.

Вивиан, невозмутимо расправляясь со стейком из свежего серого туна, просматривала учебные материалы. Книги теперь уместались на крошечных чипах, проецировавших тонкие прозрачные страницы прямо в воздух. Чтобы сберечь зрение от мерцания голограммы, девушка надела защитные очки в черной оправе, что делало ее миловидное лицо еще более серьезным и утонченным.

Валентин тоже не выказывал ни капли волнения. Местную стряпню он едва переносил, а потому, съев лишь пару ложек для приличия, сразу вернулся к написанию кода. Гейла порой даже мучила совесть: парень тратил на программирование всё свободное время, жертвуя отдыхом. И всё это ради одной цели — отладить систему для его новой мехи.

Каким бы несносным ни казался характер Валентина, Гейл прекрасно умел ценить доброе отношение. Он вообще был благодарным человеком. В прошлой жизни, когда не стало его родителей, невестка относилась к нему прохладно, но они с братом всё же помогли ему получить высшее образование. И пусть позже их пути разошлись, Гейл никогда не забывал этого благодеяния.

Ни в прошлой жизни, ни в нынешней никто не заботился о нем так, как Валентин.

А раз так, любые капризы и странности друга казались сущими пустяками.

Повинуясь этому порыву, он подвинул тарелку поближе к ушедшему в работу Валентину.

— Может, хоть салата съешь? — мягко спросил Гейл.

Валентин мазнул по нему холодным взглядом.

— Такую кислятину только ты и способен в себя пихать.

Гейл лишь молча покачал головой.

"И зачем я только спросил? Да нормальный же салат, даже вкусный... Чего он привередничает?"

Ходжсон и Сассун застали их ровно за этой сценой. Похоже, в любой ситуации эта троица ухитрялась сохранять олимпийское спокойствие, словно в мире не существовало вещей, способных вывести их из равновесия.

Гейл поднял глаза и искренне изумился, когда прибывшие без лишних расспросов опустились на соседние стулья.

До приезда на сборы их компанию окружал глухой вакуум. Изредка к ним подсаживалась разве что Лань Фу, делившая с ними жилой блок. И виной тому были не только козни уязвленного Буниля, но и то, что вся троица, откровенно говоря, не отличалась общительностью.

Судите сами: Вивиан училась на командно-штабном отделении, которое в шутку называли «элитарным». Восемь из десяти ее сокурсников щеголяли звучными фамилиями отцов-генералов или крупных чиновников. Вели они себя вежливо, но заводить дружбу с девушкой без связей не спешили.

Про Валентина и заикаться не стоило. Его сокурсники представляли собой сборище замкнутых технарей, а сам он был настолько одарен, что это исключало любую конкуренцию. Парень без труда ставил на место даже предвзятых профессоров, и до его уровня никто и близко не дотягивался. Естественно, никакого интереса к дружеской болтовне со сверстниками он не испытывал.

Что же до Гейла... Он-то как раз был открыт к общению, да и характер имел легкий — в прошлой нищей жизни у него водились верные товарищи. Но здесь его устная речь безнадежно отставала от письменной, ведь сокурсники изъяснялись на всеобщем с пеленок. По совету Валентина парень взял за правило помалкивать, дабы не ляпнуть лишнего. И пускай на факультете мех его имя гремело, а кое кто даже пытался набиться в приятели, напускная молчаливая суровость Гейла — точь-в-точь как у Цяо Чжичуна — рубила любые попытки сближения на корню.

И надо же — стоило им провести вместе чуть больше недели на полигоне, как лед тронулся, и за их столик начали садиться люди.

— Вивиан, что ты об этом думаешь? — сразу к делу перешел Ходжсон.

Вивиан отложила учебник и вежливо улыбнулась.

— О чем именно?

Сассун не удержался и вклинился в разговор. Пусть в первой операции он не участвовал, но запись изучил досконально, а уж после второго рейда под ее командованием и вовсе проникся к девушке глубоким уважением. Сассун не обладал талантами Ходжсона, и раз уж даже этот заносчивый гений признал лидерство Вивиан, то ему и подавно не пристало важничать.

— Да о войне же! Все только о ней и говорят.

— Война — это забота регулярной армии, — рассудительно отозвалась Вивиан. — Раз нас туда пока никто не призывает, нечего и паниковать. Наше дело — выполнять текущие задачи и не забивать голову лишним.

Ходжсон нахмурился, собираясь возразить, но его опередил чей-то высокомерный голос:

— Какое малодушие. Стыдно слушать такое равнодушие от человека, которого столь высоко оценила сама полковник Роза!

Гейл покосился в сторону и обнаружил стоявшего неподалеку Уордсворта.

Ходжсон, разумеется, тоже заметил подошедшего. Ему и самому позиция Вивиан казалась спорной, но к ней он испытывал профессиональное уважение, а вот Уордсворта откровенно презирал. Одно дело — спорить с равным, и совсем другое — терпеть вмешательство со стороны. Ходжсон, привыкший к безнаказанности и еще не успевший растерять спесь на учениях, выдал в своей обычной манере:

— А толку-то сотрясать воздух? Тебе ли, убогому, просравшему оба задания подряд, рассуждать о высоких материях? Какое право ты вообще имеешь раскрывать рот и попрекать кого-то? Ты себя кем возомнил, ушлепок?

Гейл едва не прыснул от смеха.

Уордсворт мгновенно пошел красными пятнами, но сорваться на обидчика не посмел. Пинать незащищенную Вивиан он мог без опаски, но с Ходжсоном шутки были плохи. В нынешней предвоенной неразберихе портить отношения с наследником столь влиятельного семейства было бы чистейшим безумием.

По сути, он как раз относился к тому самому скромному меньшинству тактического факультета, у кого за спиной не стояло влиятельной родни. Не будь парень действительно талантлив, спесивые Фриман и Со Пэйлин его бы и в грош не ставили. И всё же на фоне сироты Вивиан он выглядел баловнем судьбы: его старший брат уже носил майорские погоны. Фигура,

конечно, мелкая, но какая-никакая опора в министерстве.

Уордсворт рассчитывал использовать эти маневры, чтобы заявить о себе и склотить костяк будущих подчиненных. Без верных соратников тактику ловить нечего. Даже окончив Освильд, без преданных людей ты рискуешь отправиться в окопы простым пехотинцем, и все дипломы превратятся в бесполезную макулатуру. Но Вивиан мало того что спутала ему все карты, так теперь еще и Ходжсон встал за нее горой. Стоит ли удивляться, что зависть буквально душила бедолагу?

— Анализ геополитической обстановки — базовый навык офицера, о котором твердят все наши профессора. Пытаться просчитать ходы противника вполне естественно! — выдавил Уордсворт, изо всех сил стараясь сдерживать гнев.

Ходжсон издевательски фыркнул:

— О да, великий теоретик. Только настоящая война требует трезвого расчета, а не гадания на кофейной гуще. Анализировать ситуацию при полном отсутствии разведанных — гиблое дело. Не потому ли ты так позорно слил обе операции? Слишком много думал там, где надо было действовать!

Своим ядовитым языком он безжалостно всаживал в оппонента нож за ножом.

Уордсворта едва не колотило от бессильной злости. Но больнее всего ранило то, что после второго фиаско даже Фриман и другие ребята из команды начали его избегать. Безусловно, они ценили его теоретические знания, но воевать под началом вечного аутсайдера не желал никто.

— Избавьте нас от этого балагана. Если хотите выяснять отношения, делайте это в другом месте, — холодно бросил Валентин, на мгновение оторвавшись от экрана.

Спорщики разом прикусили языки.

Гейл в душе вовсю потешался над этой сценой, но всё же решил подлить масла в огонь и с самым невинным видом посоветовал:

— В преддверии войны лучше быть реалистами.

Уордсворт побагровел пуще прежнего, восприняв его слова как очередную пощечину.

Ходжсон лишь хмыкнул. Оставив свои расспросы, он картинно поднялся и соизволил кивнуть:

— Твоя правда. Пожалуй, пойду повторю пройденный материал.

Вивиан проводила его дружелюбным, но лишенным заискивания взглядом:

— Кстати, в этом семестре у нас начнется сложный курс «Анализ космической географии и практические аспекты навигации в рифовых зонах». Я подготовила подробные заметки. Ходжсон, Сассун, можем обсудить их на досуге.

Предложи она нечто подобное до начала сборов, Ходжсон лишь брезгливо сморщил бы нос. Но теперь, лично убедившись в глубине ее знаний, парень заинтересованно прищурился:

— С удовольствием!

Эта дисциплина славилась своей зубодробительной сложностью даже среди лучших умов Освильда. Терять такую возможность было глупо — Ходжсону безумно хотелось взглянуть, какие тактические решения скрываются в записях сокурсницы.

Сассун согласно закивал и послушно посеменил следом, точно преданный оруженосец.

На Уордсворта никто даже не взглянул. Поняв, что его присутствие попросту игнорируют, он злобно развернулся и зашагал прочь, едва не спотыкаясь на ровном месте.

Уордсворт как тактик был весьма неглуп. Жаль только, характер имел на редкость мелочный и желчный — не хватало ему истинного величия.

"С таким гнилым нутром великими полководцами не становятся..." — подумал Гейл, глядя ему вслед.

Проводив взглядом спорщиков, Гейл быстро расправился со своей порцией и вошел в Звездную сеть. Интерфейс предлагал два режима: полное погружение и привычный плоский дисплей. Листая новостную ленту, парень вдруг замер, а его глаза предвкушающе блеснули.

— Валентин, глянь на это!

[Виртуальная платформа мех объявляет о старте тридцать девятого ежегодного Турнира мех]

[Победители получают Кубок Безбрежной Туманности]

[Главный приз предоставлен Ассоциацией мехов О'Коннор]

Вивиан тоже наклонилась к экрану. Разумеется, престижнейший Кубок Безбрежной Туманности, предел мечтаний любого фаната боевых машин, интересовал эту тройцу меньше всего. Их взгляды синхронно прикипели к суммам, обещанным за первые три призовых места.

— Обидно, что один участник может подать заявку только в одну дисциплину, — с сожалением вздохнула Вивиан. Будь правила иными, они могли бы втроем заявиться в командный зачет и навести там шороху. Девушка трезво оценивала их шансы: в личном первенстве они с Валентином при должном везении пробились бы в сотню лучших, но рассчитывать на пьедестал было глупо.

Валентин прекрасно знал изнанку подобных состязаний. В его родном шестнадцатом столетии эта традиция цвела буйным цветом, пускай форматы боев и стали куда сложнее.

— Значит, надо заявляться в командные бои! — азартно предложил Гейл.

Валентин лишь покачал головой. По его мнению, из всей их компании на чемпионство мог претендовать только Гейл. Да, они с Вивиан пилотировали достойно, но на межгалактической арене их мастерство меркло на фоне профессионалов. А вот Гейл...

Этот парень был ходячей аномалией, и мерить его обычными стандартами было попросту глупо.

Вивиан лишь покачала головой:

— Боюсь, в ближайшее время мне будет не до игр. Как только начнется полноценная война, в Освильде закрутят гайки. Нужно спешно нагонять программу, пока есть возможность.

Ее интуиция и нестандартный подход творили чудеса на поле боя, но сама она прекрасно осознавала, насколько слаба ее теоретическая подготовка. Реальная война — это не просто штурм изолированного укрепления. Программа первого семестра давала лишь самые базовые понятия о локальных стычках. Бездна космоса таила в себе слишком много переменных, и чтобы вырасти в настоящего адмирала, девушке предстояло пройти долгий и тернистый путь.

— Свободного времени нет и у меня, — поддержал ее Валентин. — Нужно как можно скорее закончить код. Так что регистрируйся в одиночном зачете.

— Я, пожалуй, тоже зарегистрируюсь развлечения ради, — улыбнулась Вивиан. — Хотя на высокие места не претендую.

— Исключительно одиночный? — поник Гейл.

— Именно, — стекла защитных очков Валентина злое блеснули. — И учти: если не войдешь в тройку лидеров, можешь забыть о кастомной мехе. Я просто перестану тратить на нее время.

Гейл лишился дара речи.

"Да это же чистой воды шантаж!" — возмутился он про себя.

— К слову, на турнирной платформе разрешено использовать кастомные конфигурации. Пускай мои алгоритмы еще далеки от воплощения в металле, виртуальная симуляция станет идеальным полигоном для тестов. Заодно поможешь мне выявить ошибки в расчетах. Так что если ты умудришься проиграть на машине, которую я для тебя собрал, мне действительно лучше бросить это занятие. Сэкономлю кучу сил и времени, — ровным тоном подытожил Валентин.

Гейлу оставалось лишь вздохнуть.

Он прекрасно понимал, как тяжело Валентину далась работа над этим проектом за последние пару лет. Именно поэтому он из кожи вон лез, стараясь облегчить другу жизнь и окружить его заботой.

Вот и теперь парень не стал обижаться. Посмотрев на Валентина со всей серьезностью, он твердо пообещал:

— Я тебя не подведу.

Столкнувшись с такой решимостью, Валентин почувствовал, как в груди шевельнулось странное, щемящее чувство.

Ему безумно нравилась эта черта в Гейле — его обезоруживающая искренность и упорство, граничащее с наивностью.

Гейл наверняка считал, что вся эта колоссальная работа проделывается исключительно ради него. Но Валентин прекрасно понимал мотивы своего сердца. Им двигала банальная профессиональная одержимость — маниакальная потребность брать новые вершины и доводить начатое до совершенства. Он получал ни с чем не сравнимое удовольствие, наблюдая, как из хаоса строк кода рождается работающий механизм. Когда-то давно ради одного-единственного пакета данных он годами терпел лишения, неуклонно продвигаясь к цели. И не успокоился, пока не сорвал этот спелый плод.

Сейчас история повторялась. Валентин поставил перед собой цель, не допускающую компромиссов. Вот только на сей раз наградой за триумф должны были стать не бездушные терабайты информации, а живой человек.

И все же порой Валентин ловил себя на странном сомнении: что из этого являлось истинной целью, а что — побочным продуктом? Действительно ли он жаждал завершить проект века, а Гейл шел к нему приятным дополнением? Или же всё обстояло с точностью до наоборот, и сложнейшая научная задача служила лишь благовидным предлогом, чтобы заполучить этого мальчишку?

Внутреннее равновесие давно пошатнулось, а невидимая чаша весов всё отчетливее кренилась в одну сторону. Впрочем, какая разница?

В конце концов... и то, и другое всё равно достанется ему.

<http://bllate.org/book/19793/2000896>